

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО БАНКРОТСТВА В СНГ И ЕАЭС

Артемьев П.П.

Проблема трансграничного банкротства тесно связана с вопросами интеграции мирохозяйственных связей, с глобализацией и сопровождающими ее кризисными явлениями в мировой экономике. При этом правовое регулирование трансграничной несостоятельности объективно не поспевает за степенью развития и углубления международных экономических отношений¹.

Для Республики Беларусь актуальность данной темы исследования подчеркивается тем обстоятельством, что в настоящее время в рамках Межпарламентской Ассамблеи СНГ готовится проект модельного закона «О трансграничной несостоятельности и банкротстве»².

Очевидно, что гармонизация правоотношений, связанных с урегулированием неплатежеспособности в СНГ и ЕАЭС, будет способствовать усилению инвестиционной привлекательности данных интеграционных объединений, увеличит степень прозрачности ведения бизнеса, укрепит позиции стран в международных рейтингах. Кроме того, в условиях санкционного давления, оказываемого на Республику Беларусь, увеличиваются риски неплатежеспособности субъектов хозяйствования, имеющих структурные подразделения за рубежом.

Возросшие возможности удаленного найма специалистов обуславливают высокую мобильность трудовых ресурсов. В связи с этим перед гражданами нашей страны открываются значи-

тельные перспективы работы на иностранные компании, а перед отечественными предприятиями – варианты найма специалистов за рубежом. Интересы данных лиц как представителей работников должника неизбежно будут задеты в случае открытия в отношении такой фирмы конкурсного производства.

Помимо этого, отсутствие нормативных документов в сфере трансграничного банкротства может серьезно замедлять интеграционные процессы.

Все это в комплексе обусловило необходимость проведения отдельного исследования о возможности внедрения международно-правовых норм, регулирующих различные аспекты трансграничного банкротства, в отечественную нормотворческую практику. В связи с этим отметим, что Закон Республики Беларусь от 13 де-

ОБ АВТОРЕ

АРТЕМЬЕВ

Павел Петрович

(artemyevr@mail.ru),
кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Маркетинг и
менеджмент» Белорусско-
Российского университета
(г. Могилев, Беларусь).

Сфера научных интересов:
макроэкономическая динамика,
международная экономическая
интеграция, стимулирование
экспорта, антикризисное
управление.

¹ В настоящем исследовании термины «трансграничная несостоятельность» и «трансграничное банкротство» рассматриваются в качестве синонимов.

² В МПА СНГ готовят модельный закон о трансграничной несостоятельности и банкротстве. 2025. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/mart/87839/>.

кабря 2022 г. № 227-3 «Об урегулировании неплатежеспособности»³ не дает определения трансграничной несостоятельности.

Кроме Республики Беларусь, другие страны – члены СНГ и ЕАЭС также не регулируют в рамках норм национального законодательства вопросы трансграничного банкротства. Ими не было заключено ни одного международного соглашения в рассматриваемой сфере. В работе (Артемьев, 2024) упоминается о проекте федерального закона «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)» в России и подчеркивается отсутствие в нем фактора интеграции. В связи с этим разработка соответствующей правовой конструкции в рамках СНГ представляется актуальным, но в то же время весьма сложным вопросом.

В связи с изложенным полагаем необходимым прежде всего отметить, что единого общепризнанного определения трансграничной несостоятельности не существует. Англоязычный термин «insolvency» может быть переведен и как «несостоятельность», и как «банкротство». Кроме того, отсутствует и общий критерий несостоятельности или банкротства в различных странах. При этом указанные критерии могут различаться в пределах одной страны. В данном случае каждое государство опирается на собственную правовую традицию. Термин «трансграничный» также не является четко определенным в юридической литературе. И если в отношении критерия несостоятельности возможно достижение межстранового согласования, то по поводу критерия трансграничности возникают значительно большие сложности. В Российской Федерации термин «трансграничное банкротство» уже используется, однако без принятого в нормативном порядке определения. Важно отметить, что нормативно-правовые акты международного уровня в данной сфере не регулируют весь перечень вопросов, касающихся трансграничной несостоятельности, при этом приоритет отдается проблематике судебного сотрудничества.

Правоотношения, связанные с несостоятельностью (банкротством), являются комплексными.

³ «Об урегулировании неплатежеспособности»: Закон Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-3. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2023. 232 с.

Их невозможно отнести к какой-либо одной отрасли права. Законодательство о банкротстве любой страны содержит множество норм материально-правового и процессуального характера. При этом отсутствие целесообразности гармонизации норм материального права в данной сфере подчеркивается такими ключевыми международными нормативными документами, как Регламент ЕС 2015/848 о процедурах несостоятельности от 20 мая 2015 г. (далее – Регламент ЕС)⁴ и Типовой закон о трансграничной несостоятельности ЮНСИТРАЛ от 30 мая 1997 г. (далее – Типовой закон)⁵.

Исследователи в связи с этим выделяют четыре основных подхода к рассмотрению вопросов трансграничного банкротства:

- 1) трансграничное банкротство как банкротство транснациональных корпораций (ТНК);
- 2) трансграничное банкротство как трансграничное производство по делу о несостоятельности (банкротстве);
- 3) трансграничное банкротство как производство по делу о банкротстве, осложненное иностранным элементом;
- 4) трансграничная несостоятельность как несостоятельность, связанная с правопорядками различных государств (Собина, 2012).

Анализ трудов отечественных и зарубежных авторов показал, что в процессе изучения вопросов трансграничного банкротства исследователи, как правило, рассматривают его со всех четырех или нескольких из представленных позиций, уделяя особое внимание тому или иному аспекту рассмотрения.

Так, изучение трансграничной несостоятельности как несостоятельности ТНК характерно преимущественно для западной юридической науки (Bebchuk, Guzman, 1999; Spiegelman, 2009). В данном случае играет роль высокая степень интернационализации деловой активности субъектов хозяйствования Западной

⁴ Regulation (EU) 2015/848 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on insolvency proceedings. 2025. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32015R0848&qid=1703496392042>.

⁵ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности и Руководство по принятию. 2025. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/insolvency-r.pdf>.

Европы и Северной Америки. Возможность отнесения отечественных предприятий к категории ТНК рассматривалась в работе (Калинин, 2007). В исследовании (Данильченко, Артемьев, 2016) отмечались невысокий уровень интернационализации белорусских промышленных предприятий, а также наличие весьма существенных отличий в политике стимулирования интернационализации отечественными и зарубежными компаниями.

Не видя перспектив формализации определения ТНК, некоторые представители юридической науки предлагают отойти от него, вводя в юридический оборот новые категории. Так, К.А. Липай полагает, что вопросы трансграничного банкротства можно рассматривать как банкротство «трансграничных групп компаний». При этом трансграничную группу компаний формирует в том числе связь материнской компании с зависимыми структурами посредством единых управленческих, производственных и (или) технологических процессов (Липай, 2014). Однако с экономической точки зрения критерий такого «единства» представляется неопределенным.

Мохова Е.В. полагает целесообразным разграничение терминов «трансграничная несостоятельность» и «несостоятельность транснациональных корпораций», отмечая, что несостоятельность ТНК можно отождествить с трансграничной несостоятельностью только в случае, если ТНК представимо в виде одного юридического лица (Мохова, 2009. С. 15).

Следует также подчеркнуть, что Типовой закон и Регламент ЕС не вводят в юридический оборот категорию ТНК, упоминая лишь о центре основных интересов должника, а также о трансграничном характере деятельности предприятий и единой группе компаний.

В целом можно отметить следующее: если в рамках СНГ законодатель пойдет путем рассмотрения трансграничной несостоятельности как несостоятельности ТНК, то важной представляется четкая спецификация указанной категории при учете особенностей функционирования транснациональных компаний в каждой из стран СНГ. Вместе с тем для Республики Беларусь это будет связано с рассмотрением трансграничной несостоятельности как несостоятельности круп-

ных валообразующих предприятий, имеющих структурные подразделения за рубежом, и приведет к риску отказа от предоставления комплекса преференций по входу в процедуру конкурсного производства, которая осуществляется ради соблюдения национальных интересов. По этой причине полагаем, что вопросы трансграничного банкротства должны охватывать более широкий перечень субъектов правоотношений в качестве должника и не ограничиваться лишь транснациональными корпорациями.

Рассмотрение трансграничного банкротства как трансграничного производства по делу о несостоятельности оправдано в том случае, если в отношении одного должника возбуждено несколько производств по делу о несостоятельности. В данном случае юридическая практика разработала несколько моделей производств: модель единого производства (в рамках доктрины универсализма); модель множества обособленных производств (в рамках доктрины территориализма); модель основного/вторичного производства. Исторически правовая наука и практика нормотворческой деятельности двигались в сторону выработки единообразных норм регулирования вопросов трансграничной несостоятельности. Однако попытка разработки единого нормативного документа оказалась успешной лишь отчасти.

Центральное место среди всех доктрин, регулирующих вопросы трансграничного банкротства, занимает доктрина основного производства (модифицированного универсализма). В рамках данной доктрины основное производство по делу о несостоятельности имеет экстерриториальный характер и признается на территории иных государств (Мохова, 2009). Данная концепция лежит в основе как Регламента ЕС, так и Типового закона, которые предполагают наличие в рамках производных процедур имущества (активов) должника за рубежом и осуществление деловых операций.

При этом уместной представляется следующая оговорка: каждое конкретное государство в рамках производства по делу о несостоятельности стремится защитить интересы должников или кредиторов, являющихся его резидентами, что явно препятствует применению доктрины

основного производства в международной практике, поскольку приводит к существенному изменению типового законодательства в различных государствах. В этом смысле важно отметить, что создание наднациональных институтов регулирования вопросов трансграничного банкротства в рамках СНГ может осуществляться в ущерб интересам государств-членов по защите участников производств по таким делам, к чему необходимо быть изначально готовыми.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что рассмотрение трансграничного банкротства сквозь призму модели основного/вторичного производства должно быть именно элементом всего комплекса данных вопросов и не должно быть ею ограничено. Вместе с тем именно модель основного производства создает более глубокие предпосылки сотрудничества стран. В связи с этим полагаем, что она и должна служить основой сотрудничества стран СНГ в сфере урегулирования неплатежеспособности.

Изучение вопросов трансграничного банкротства как банкротства, связанного с порядками различных стран, в целом имеет связь с его рассмотрением как трансграничного производства по делу о несостоятельности (банкротстве). В данном случае Регламент ЕС предусматривает, что проблема различия правовых систем должна быть нивелирована именно концепцией основного производства. Исследователи подчеркивают: для успешности дел о трансграничной несостоятельности представляется весьма желательной определенная правовая близость государств, в которых предполагается рассматривать такие дела (Липай, 2014. С. 17).

Рассмотрение трансграничного банкротства как производства, осложненного иностранным элементом, весьма распространенное явление среди исследователей, однако и оно, применяясь обособленно, не охватывает весь перечень правоотношений в указанной сфере. При этом под иностранным элементом правоотношения важно понимать участников производства по делу либо объекта правоотношения (имущество должника), либо юридический факт, имевший место за рубежом (Собина, 2012). В этом смысле статьей 236 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь допускается учас-

тие иностранных лиц в том числе в производстве по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) юридических лиц и индивидуальных предпринимателей⁶. Вместе с тем должна быть проведена более глубокая нормотворческая работа по расширению трактовки иностранного элемента, ее внедрения в отечественное законодательство о несостоятельности (банкротстве) и выстраивании на этой основе межстранового взаимодействия.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что категорию трансграничного банкротства отечественному законодателю необходимо рассматривать комплексно. Ее не следует сводить лишь к банкротству ТНК. И при этом важно детализировать рассмотрение иностранного элемента как субъекта, объекта правоотношения и юридического факта. В основу сотрудничества стран СНГ должна быть положена доктрина «основного производства» и разработаны варианты нивелирования различий в порядках стран-членов по аналогии с Регламентом ЕС.

Анализ показывает, что наиболее успешным можно считать сотрудничество в сфере трансграничного банкротства тех стран, которые являются либо членами интеграционной группировки (ЕС), либо участниками экономического соглашения (страны ОХАДА – Организации по гармонизации коммерческого права в Африке).

С учетом специфики интеграционных процессов на постсоветском пространстве и наличия одновременно функционирующих нескольких интеграционных объединений (СНГ и ЕАЭС) полагаем полезным рассмотреть опыт взаимодействия стран ОХАДА в сфере урегулирования неплатежеспособности. Модель ОХАДА охарактеризована экспертами как модель «внешних» и «внутренних» производств (Мохова, Лиджанова, 2017. С. 20). Так, в рамках «внутреннего» производства предусматривается применение норм, схожих с нормами Регламента ЕС. При этом под «внутренними» подразумеваются банкротные дела в пределах стран ОХАДА. В свою

⁶ Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь : по состоянию на 6 сентября 2021 г. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2021. 288 с.

очередь регулирование «внешних» производств близко к нормам Типового закона с его упором на регламентацию судебного сотрудничества и подразумевает сотрудничество с лицами и организациями, не являющимися резидентами стран ОХАДА.

В целом данная организация имеет достаточно развитую инфраструктуру для гармонизации законодательства о банкротстве. Это определено, в частности, тем, что к настоящему времени принято достаточно большое количество единообразных актов, гармонизирующих различные сферы хозяйственной деятельности: «Об общем торговом праве», «О праве коммерческих компаний и групп экономических интересов», «О гарантийном праве», «Об организации упрощенных процедур взыскания долгов и способов их обеспечения» и др.

Представляется, что данная модель могла быть успешно применимой в странах СНГ. При этом «внутреннее» производство осуществлялось бы в рамках стран-членов ЕАЭС, а «внешнее» предполагало бы взаимодействие с иными странами Содружества.

* * *

На основании проведенного анализа полагаем целесообразным осуществить приведенные ниже предложения по совершенствованию институциональной инфраструктуры регулирования трансграничного банкротства в Республике Беларусь:

- необходимо сформировать перечень предприятий, отраслей, производимой продукции, которые подпадают в сферу регулирования в рамках законодательства о трансграничном банкротстве. Данный выбор должен основываться на приоритете национальных экономических интересов⁷. При этом представляется нецелесообразным распространять это регулирование на финансовые компании;

- приоритет должен быть отдан именно ЕАЭС, а не СНГ как интеграционной структуре,

⁷ В данном случае важно учитывать, что процедуры трансграничного банкротства носят, в соответствии с Регламентом ЕС, открытый характер, в частности, для того, чтобы кредиторы имели возможность заявить свои требования. Таким образом, закрытые процедуры выпадают из сферы действия данного нормативного документа.

в рамках которой возможно углубление сотрудничества по вопросам трансграничного банкротства. И любую работу в рассматриваемой сфере в рамках СНГ считаем необходимым дополнять параллельной работой и в рамках ЕАЭС. Сегодня ЕАЭС располагает гораздо более развитой инфраструктурой для регулирования вопросов трансграничного банкротства. При этом, как отмечено выше, полагаем целесообразным опираться на модель ОХАДА как одну из наиболее развитых в данной сфере. Орган управления по делам о трансграничном банкротстве может быть создан в качестве структурного подразделения Евразийской экономической комиссии. Одновременно рассматриваемые вопросы должны быть отрегулированы на уровне рамочных правил для всех стран-членов, нежели внесением дополнений в Договор о ЕАЭС⁸. Это предложение можно объяснить в том числе тем, что отдельный рамочный договор в указанной сфере гораздо легче обновлять и пересматривать, чем вносить соответствующие изменения и дополнения в Договор о ЕАЭС;

- в силу сложности согласования материальных и процессуальных норм, касающихся трансграничного банкротства, представляется, что данную проблематику целесообразно рассматривать в первую очередь с экономической точки зрения (проработка вопросов унификации коэффициентов неплатежеспособности; регламентация формы и содержания планов санации; унификация форм и правил составления ликвидационных балансов; единый расчет вознаграждения управляющим и др.);

- перспективной, на наш взгляд, является разработка совместных программ обучения антикризисных управляющих, возможность их стажировки, обмена опытом, мнениями по актуальным проблемам в сфере урегулирования неплатежеспособности. При этом важнейшими в части сотрудничества управляющих должны быть внесудебные его формы (в том числе протоколы о банкротстве). Также считаем возможной разработку рамочной должностной инструкции управляющих;

⁸ Договор о Евразийском экономическом союзе : [Подписан в г. Астане 29.05.2014 г.]. 2025. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=f01400176>.

- в рамках сотрудничества в сфере урегулирования неплатежеспособности полагаем перспективным акцентирование на реабилитационной составляющей данного процесса, что в целом соответствует положениям Регламента ЕС;

- в предполагаемом нормативном документе считаем обоснованным осуществлять отсылку к лучшим практикам ЮНСИТРАЛ, ЕС и ОХАДА (по аналогии, в частности, с Регламентом ЕС);

- вопросы трансграничного банкротства должны рассматриваться одновременно с вопросами двух- и многосторонней гармонизации законодательств стран СНГ и ЕАЭС в данной сфере.

При этом поскольку в процессе урегулирования неплатежеспособности участвуют не только частные лица, но и публичные органы управления, представляется, что в процессе обсуждения данного нормативного документа должны быть задействованы все заинтересованные министерства и ведомства стран-членов СНГ и ЕАЭС.

Кроме того, анализ опыта ОХАДА и других наднациональных структур показывает, что реальное сближение законодательств в сфере урегулирования неплатежеспособности возможно только при сопутствующей гармонизации иных аспектов функционирования субъектов хозяйствования.

Опыт ОХАДА подтверждает также и тот факт, что наиболее перспективной является интеграция законодательств в сфере урегулирования неплатежеспособности при ориентации на превентивные меры и заключение мирового соглашения.

В целом необходимо также определиться с критериями трансграничности, несостоятельности и банкротства на наднациональном уровне.

Полагаем, что приведенные в настоящей статье выводы и рекомендации окажутся полезными для заинтересованных органов государственного управления и экспертного сообщества в

дальнейшей проработке вопросов согласования нормотворческой практики и при создании наднационального института регулирования трансграничного банкротства в рамках СНГ и ЕАЭС.

ЛИТЕРАТУРА

Артемьев П.П. 2024. Неплатежеспособность предприятий в Казахстане и Беларуси: состояние и возможности гармонизации законодательства. *Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь*. № 11 (329). С. 17–22.

Данильченко А.В., Артемьев П.П. 2016. Развитие товаропроводящей сети как важнейшая стадия транснационализации промышленных предприятий Республики Беларусь. *Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь*. № 1 (223). С. 31–43.

Калинин Д.С. 2007. *Стратегия интернационализации деловой активности предприятий из развивающихся стран и стран с переходной экономикой*. Диссертация... кандидата экономических наук. Минск.

Липай К.А. 2014. *Особенности несостоятельности трансграничных групп компаний в российском и зарубежном праве*. Автореферат диссертации... кандидата юридических наук. Москва.

Мохова Е.В. 2009. *Доктрина основного производства при трансграничной несостоятельности юридических лиц*. Автореферат диссертации... кандидата юридических наук. Москва.

Мохова Е.В., Лиджанов А.Э. 2017. *Перспективы регулирования трансграничной несостоятельности в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС): условия и предпосылки, правовые риски, поиск оптимальной модели*. Аналитическая справка. Москва : АНО «Центр международных и сравнительно-правовых исследований».

Собина Л.Ю. 2012. *Признание иностранных банкротств в международном частном праве*. Москва : Статут.

Bebchuk L.A., Guzman A.T. 1999. An Economic Analysis of Transnational Bankruptcies. *The Journal of Law and Economics*. Vol. 42. No 2. Pp. 775–808.

Spiegelman J. 2009. Cross-Border Insolvency: Cooperation or Conflict? *Australian Law Journal*. Vol. 83. No 1. Pp. 44–55.

Статья поступила 12.05.2025 г.

